

Г. Ф. Сунягин²

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

На сегодняшний день сформировалось, как представляется, весьма одностороннее представление о ситуации, в которую вовлечен наш мир. Обычно прежде всего отмечается масштаб и взаимозависимость тех процессов, которые в нем происходят. Благодаря средствам массовых коммуникаций то, что происходит в одной части мира, может непосредственно провоцировать аналогичные процессы на другом краю ойкумены. Из этого делается вывод, что мир становится чем-то единым с единым человечеством и общечеловеческой культурой.

Но ведь у происходящего есть и другая сторона, выражающаяся, в частности, в том, что мы являемся свидетелями в сущности взрывного процесса самоутверждения национальных государств. Практически любая осознавшая свою идентичность нация при малейшей на то возможности стремится стать самостоятельным субъектом исторического процесса. В Европе с ее открытыми границами этот процесс в общем завершен. Ценою большой крови, как в Югославии, или вполне цивилизованно, как в Чехословакии, но каждая нация стремится воспользоваться своим правом на самоопределение. Всякого рода объединения происходят с большим скрипом и только на заранее оговоренной, ограниченной основе.

Короче говоря, при всей тесноте и взаимозависимости на земном шаре человечество предпочитает жить отдельными национальными группами в отдельных квартирах, имея друг с другом в лучшем случае политкорректные, то есть в сущности прагматические отношения. Прозвучавший несколько тысяч лет назад призыв жить одной семьей, не различая ни эллина, ни иудея, так и остался утопической мечтой. Попытка разрешить этнически отличным от нас людям жить рядом с нами по своим правилам даже в Европе с ее культом неотъемлемых личностных прав вообще всех людей — и посвятившими свою жизнь овладению вершинами мировой культуры, и оставшимися на уровне законов талиона — закончилась конфузом, когда добропорядочные швейцарцы вводят запрет на строительство минаретов, а не менее

добропорядочные австрийцы массово голосуют за откровенных националистов.

Видимо, не только христианство, но и глобализация оказывается на деле новым способом не только объединения людей, но и их разделения, а единое человечество остается лишь интеллектуальной абстракцией. Это тем более верно, когда речь заходит о некоей общечеловеческой культуре, в которой свойственным большинству культур становится набор общих правил — вроде не укради или не вытирай нос рукавом. А самое главное в любой культуре состоит в ее уникальности, в том, чем она отличается от других культур, позволяя тем самым быть ядром для идентичности определенного коллективного субъекта, своеобразным иммунитетом, отторгающим все чуждое для данного общественного организма, ибо иначе его просто не будет. Кстати сказать, именно это своеобразие культур и оказывается наиболее интересным и для других социальных субъектов, по крайней мере в наше время, когда нас усиленно кормят всеядной толерантностью, на деле оборачивающейся серым однообразием.

Почему-то принято считать, что в эпоху глобализации самой актуальной оказывается именно эта самая толерантность и чем ее больше, тем лучше. Но абсолютная толерантность это, в сущности, абсолютное безразличие. Ситуация, когда моя родина мне так же дорога, как и всякая другая, где тепло и сытно, означает своеобразную тепловую смерть применительно к современной сетевой жизни.

История нас учит, что наибольший вклад в сокровищницу мировой культуры внесло не человечество вообще (его большая часть как раз не внесла в эту сокровищницу практически ничего), а небольшие плотно спаенные группы, рассматривающие весь другой мир в лучшем случае как объект для торговых и геополитических манипуляций. Такими были античные полисы, такими были и торгово-промышленные города Возрождения. Аморфные и толерантные общественные образования вроде Священной Римской империи или Европы начала XX века исторически интересны лишь тем, что в их лоне вызревали новые произвольные образования вроде разнопорядковых национальных государств Нового времени, которые на протяжении XVIII—XIX веков вели между собой бесконечные кровопролитные войны, или даже фанатические претенденты на мировое господство вроде Советского Союза или фашистской Германии.

В сетях интересны не те, кто повторяет общечеловеческие банальности. Такие «правильные» субъ-

² Профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор книг: «Промышленный труд и культура Возрождения», «Монологи скорбного патриота», «Социальная философия как философия истории» и др.

екты очень быстро исчезают без следа в волнах сетевого моря. Наша постмодернистская эпоха ценит прежде всего «экстравагантное», а самой естественной формой такой «экстравагантности» оказывается национально или этнически своеобразное. В этом смысле, потеряв свое своеобразное даже в антропологическом смысле лицо, мы рискуем потерять себя целиком. Стать чем-то просто неузнаваемым.

Это тем более верно применительно к нам, русским, пытающимся на доставшемся нам волею обстоятельств куске бывшего СССР, который вопреки культивируемому почти столетие интернационализму развалился именно по национальным стыкам, строить некую новую скукоженную Россию. Мы не отдаем себе отчета, что само слово «Россия» возникло в свое время для совокупного обозначения всех и, прежде всего, нерусских народов, живущих на необъятной территории северной Евразии, которых еще предстояло обратить в православие, а значит, в конечном счете в русских.

В общем, россияне это такая же искусственно сконструированная абстракция, как во времена советского интернационализма «советский на-

род». Но никакой российской культуры мир не знает. В мире известны русские и русская культура, имея которую за спиной, мы вполне можем чувствовать себя узнаваемыми и равными любому другому субъекту современного исторического процесса.

Оставшись же в лоне такого необозримого образования, как современная Новая Россия, которая существует на совершенно конъюнктурных предпосылках, состоящих в распродаже природного сырья, блокирующего формирование реальной экономики, и властной вертикали, плодящей коррупцию вместо самостоятельности, мы рискуем повторить судьбу исторической России и Советского Союза, для нас, русских, трагическую.

В этом смысле для нас глобальная культура может стать некой сетевой реальностью лишь постольку, поскольку мы останемся просто русскими, а не какими-то евразийскими россиянами, прекраснодушно рассчитывающими на некое цивилизационное партнерство, в то время как мировая история цивилизаций — это история жестоких войн за место под солнцем. И на горизонте как раз одна из таких войн.